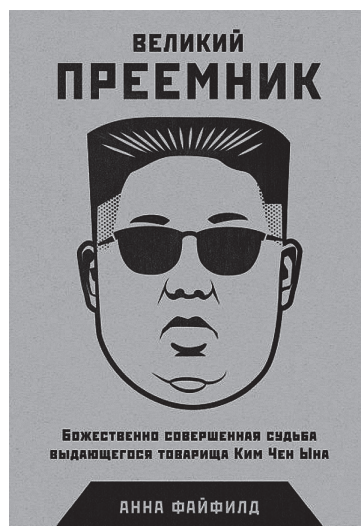

Рецензии

Великий преемник. Божественно совершенная судьба выдающегося товарища Ким Чен Ына

АННА ФАЙФИЛД

М.: Альпина Паблшер, 2021. – 376 с. – 2000 экз.

Добиваясь максимальной достоверности образа своего героя, написавшая эту книгу

журналистка «The Washington Post» обработала впечатляющие массивы информации, посвященной нынешнему руководителю Северной Кореи. Многие часы чтения были дополнены столь же обширными личными интервью – в основном с перебежчиками, которым удалось покинуть одну из самых закрытых стран мира. Анна Файфилд давно специализируется на азиатской политике; на сегодняшний день в ее активе десятилетия корреспондентской работы в Токио, Пекине и Сеуле. В своих размышлениях о Северной Корее она акцентирует внимание не столько на внутренних причинах устойчивости довольно необычного политического режима, сколько на личности его нынешнего лидера – человека, во многих смыслах незаурядного. С момента своего политического восхождения, начавшегося в 2008 году, этот мастер мистификации не раз и не два обманывал ожидания наблюдателей. Стоит напомнить, что от юного вождя, в 2011 году сменившего на высоком посту своего венценосного родителя и успешного получить образование в Швей-

**НОВЫЕ
КНИГИ**

царии, некоторые тщетно ожидали решительного реформирования закосневшей северокорейской системы. Автор книги, не стесняясь, признается, что в начале 2010-х и она сама принадлежала к широкому лагерю заблуждающихся: ей не верилось, что третье поколение сурового диктаторского клана сумеет удержать страну в своих руках. Тем не менее вопреки очевидности Ким Чен Ын явил подлинное чудо политической выживаемости, возбудив колоссальный интерес к собственной персоне. В плену его весьма своеобразного обаяния оказалась и Файфилд: журналистка пишет, что для нее работа в качестве корейского корреспондента «The Financial Times» «стала началом долгой страсти» (с. 19).

Глубинные изыскания, посвященные ее герою, журналистка продолжила в 2014 году, в очередной раз вернувшись в Корею – на сей раз представляя уже американскую прессу. Задача, поставленная ею перед собой, была поистине геркулесовой: ей хотелось ни больше ни меньше «собрать всю информацию о Ким Чен Ыне, какую только можно будет найти» (с. 21). Руководствуясь этой целью, Файфилд вознамерилась поговорить с каждым, кто когда-либо его встречал. Намеченный путь оказался весьма тернистым, поскольку людей, удостоенных личного общения с вождем, во-первых, оказалось крайне мало, а во-вторых, такие фигуры, как правило, были весьма необщительными. Скажем, с немалым трудом выявив тетю и дядю Ким Чен Ына, которые были его опекунами, пока тот учился в Швейцарии, журналистка отправилась в Берн, надеясь хотя бы чуточку приобщиться к отроческим «трудам и дням» будущего диктатора. Ей даже удалось посидеть возле дома, где он жил, и погулять вокруг школы, где он учился, – но вот разговоры выдались не слишком содержательные. Помучившись с узкой группкой «непосредственно общившихся», Файфилд была вынуждена

понизить планку и переориентироваться на другую страту, более расположенную к коммуникации – на северокорейских перебежчиков. Таких собеседников нашлось не менее сотни; что, конечно, лучше, чем ничего, но в целом, заметим, признать такую выборку представительной довольно непросто. Другим затруднением, немедленно вскрывшимся в ходе взаимодействия с этой группой, стали деньги: корейские беглецы, натерпевшиеся от нищеты и голода, не хотят делиться пережитым бесплатно, а журналистская этика не позволяет автору раскошеляться на подобные цели. Это, понятное дело, еще более сузило круг источников. Как бы то ни было, даже по крупицам удалось собрать кое-что интересное.

Из книги можно узнать, что нынешний великий руководитель рос в безмятежном уединении правительственного квартала в Пхеньяне и в приморской резиденции в Вонсане, столь обширной, что знатные отпрыски перемещались по ней на электрических гольфмобилях. В 1990-х, когда северокорейские дети с голоду объедали цветы и жевали траву, Ким Чен Ын лакомился суши, увлекался баскетболом и летал в Париж – посетить Диснейленд. Запертый в четырех стенах и обучаемый на дому, юноша испытывал острейший дефицит общения со сверстниками. Кендзи Фудзимото – молодой человек, приехавший из Японии готовить суши к столу северокорейского вождя, – рассказал американской журналистке, как совершенно неожиданно стал для венценосного подростка товарищем по играм и даже кем-то вроде приятеля. У будущего лидера были не только специально назначенные друзья, но и личные учителя, тренеры, повара, шоферы и телохранители. «Он рос, чувствуя себя самым особенным мальчиком в мире, мальчиком, которому все по силам» (с. 65). Уже в восемь лет он узнал, что унаследует отцовский пост, и это не могло не сказаться на его характере – ребенок рос

нетерпимым, вспыльчивым и замкнутым. Во время обучения в швейцарской школе он, в отличие от многих других «звездных» мальчиков, не ездил в школьный лагерь, не посещал вечеринок и дискотек, не употреблял алкоголя. И, как сообщают его одноклассники, «категорически избегал контактов с девочками» (с. 86).

В 2009 году, когда Ким Чен Ыну исполнилось 25 лет, его официально представили правящей элите как наследника Ким Чен Ира. Несмотря на юность, в предшествующие годы ему уже не раз удавалось, будь то нарочито или случайно, демонстрировать заинтересованной сановной публике недюжинные задатки государственного деятеля. Так, еще ребенком он устроил во дворе дома взлетную полосу, запуская с нее игрушечные самолеты; как отмечалось в местных СМИ, северокорейские генералы умилялись, видя в этом «очередное доказательство несравненных командных способностей Ким Чен Ына» (с. 65). Примерно то же самое позже происходило и в Военной академии имени Ким Ир Сена, куда его вместе со старшим братом определила мать: «газеты писали, что молодой человек настолько одарен в военной стратегии, что сам учит преподавателей вместо того, чтобы учиться у них» (с. 90). Дипломная работа молодого вождя называлась «Компьютерное моделирование для уточнения тактических карт с помощью глобальной навигационной системы (GPS)». Существовал ли этот труд в действительности, нам не известно, но одаренному подростку вручили диплом, в котором было указано, что он лучший студент лучшего вуза Корейской Народно-Демократической Республики.

Несмотря на необычайные достижения царственного наследника, его юный возраст в ходе передачи власти мог превратиться в серьезную проблему. Как известно, социальные и политические структуры в обеих Кореях до сих пор ориентированы на кон-

фуцианские устои, накрепко связывающие возраст с авторитетом. Для системы, где важные посты продолжали занимать восьмидесятилетние старцы, Ким Чен Ын был непозволительно молод. Более того, преемника не успели даже снабдить подходящим легитимирующим мифом, подобным тем великим легендам, что осеняли царствования его отца и деда. Беда, впрочем, оказалась поправимой: начиная с 2009 года могущественный Отдел пропаганды и агитации Трудовой партии Кореи понемногу начинает создавать вокруг стремительно зреющего руководителя персональный культ почитания. Официальная пресса именует его Восхитительным Товарищем, Молодым Генералом, Утренней Звездой, сияющей над всем народом (с. 98). На обязательных политзанятиях, проходивших на предприятиях и в учреждениях по всей стране, гражданам рассказывали, что юный гений начал стрелять из винтовки в три года и водить автомобиль в семь лет. «В такие байки поверить нельзя, мы смеялись над ними. Но, если бы кто-то выразил сомнение, поплатился бы жизнью», – делился с Файфилд один из ее собеседников (с. 100). Так или иначе, но к тому моменту, как Ким Чен Ын встал у заветного кормила, его восшествие на престол воспринималось корейцами как нечто естественное и неизбежное. Исключительное значение для становления нового лидера имела роль Скорбящего Наследника, сыгранная им в 2011 году после смерти отца. Это было очень важно – особенно в стране, где никто не хочет оказаться человеком, которого видекамеры изобразят рыдающим не столь горестно и громко, как его соседи. Пока население усердно заливалось слезами, Ким Чен Ын, «превращая скорбь в силу», распорядился обеспечивать плакальчиков на промерзших улицах медицинской помощью и теплым питьем. Одновременно он продолжил собирать разнообразные – и порой весьма причудливые – титулы, которые столь

забавляют людей, следящих за корейскими новостями. В этом списке, демонстрирующем все степени подобострастия, Любимый и Уважаемый Товарищ соседствовал с Несгибаемым Победоносным Генералом, Хранителем Справедливости, Высшим Воплощением Любви, а также многочисленными солярными вариациями – Путеводным Лучом Солнца, Солнцем Революции, Солнцем Человечества. «Никакие восхваления не были для нового вождя чрезмерными», – констатирует Файфилд (с. 117).

Довольно быстро Ким Чен Ын сделался баснословным персонажем и за пределами КНДР. В Китае, как сообщает автор, его прозвали «Кимом III Жирным», и, как ни старалась государственная цензура КНР удалить эту кличку из интернета, ничего не получилось. Обычно сдержанные западные издания типа «The New Yorker» или «The Economist» тоже не смогли устоять перед искушением позубоскалить: если первый журнал украсил свою обложку образом Ким Чен Ына-младенца, забавляющегося игрушечными ракетами, то второй на своей обложке превратил характерную прическу вождя в ядерный гриб. Однако, даже став находкой для карикатуристов и комиков, новоявленный вождь уверенно утверждал собственную власть, поскольку «все его действия с первых дней на верховном посту тщательно просчитывались ради единственной цели – остаться Победоносным, Стальным и Волевым Командиром Северной Кореи» (с. 121). Для этого Ким Чен Ыну требовалась когорта сторонников, кровно заинтересованных в его успехе, и он сам решал, кого приблизить к себе, а кого убрать. Он без колебаний избавлялся от тех, кто мог угрожать его абсолютной власти, жестоко распорядившись судьбами сначала дяди, а потом и брата и показав, что и впредь не остановится ни перед чем.

В 1980–1990-е, пока другие азиатские страны переживали экономический бум, экономика КНДР «вязла где-то между

Викторианской эпохой и худшими днями правления Сталина» (с. 128). Тем не менее Ким Чен Ын отказался от разработки грандиозных планов типа китайской «политики открытости» или советской перестройки. Вместо этого он немного смягчил наиболее жесткие законы и перестал преследовать частную инициативу. Новый вождь позволил развернуться стихийным рынкам промышленных и продовольственных товаров, которые «стали самым действенным мотором перемен в истории Северной Кореи» (с. 133). Это в свою очередь обусловило повышение жизненного уровня населения и становление страты, напоминающей средний класс. Благодаря таким преобразованиям северо-корейская экономика не только избежала агонии и коллапса, в свое время пережитых социалистическим блоком, но даже в какой-то мере стабилизировалась. По оценкам южнокорейских экономистов, годовой объем производства за время правления Ким Чен Ына вырос более, чем вдвое. Для миллениалов, родившихся или взрослевших в годы голода – то есть фактически ровесников вождя, – рынки превратились в часть повседневной жизни, а их поколение «часто называют прирожденными коммерсантами» (с. 135). Причем, как отмечает автор, вместе с законной торговлей в КНДР пришел и теневой бизнес – в частности, распространение наркотиков, с которыми власти не могут справиться, несмотря на все прилагаемые ими усилия.

При этом, немного ослабив вожжи внутри КНДР, Великий Преемник уже в первые годы своего правления постарался еще больше изолировать и без того закрытую страну от любых внешних воздействий. В этом плане он явно превзошел своего отца, не позволяя ни людям, ни информации циркулировать даже через корейско-китайскую границу, долгое время считавшуюся полуоткрытой. Тем не менее тотальная герметичность оказалась недостижимой из-за постигшего КНДР голода. Люди, тайком хо-

дившие за реку за продуктами, возвращались и рассказывали о китайской жизни: по их словам, даже собаки в КНР питаются лучше, чем северокорейцы. Информационное давление, подтачивавшее устои социализма с корейской спецификой, оказывалось и с юга – из Сеула. В этой связи американская журналистка ставит закономерный вопрос: если многие в Северной Корее знают, как живет остальной мир, и понимают, что власть их обманывает, то почему система до сих пор держится? Ответ, по ее словам, надо искать в «беспримерной жестокости режима, который без колебаний обрушивает на людей страшные кары за малейший намек на недовольство» (с. 157). Согласно Файфилд, остальной мир почти не осведомлен о том, что творится в концлагерях третьего властителя династии Кимов. Работая в Корее, она постоянно искала людей, отбывавших заключение после 2011 года; тем не менее ей не удалось найти ни одного человека, который вышел бы из лагеря после того, как Ким Чен Ын пришел к власти. Более того, никто из опрошенных ею северокорейцев, а таких было немало, подобных людей тоже не знал.

Специалистам толком не известно, удастся ли узникам нынешней диктатуры выходить на свободу или они обречены оставаться за решеткой до конца своих дней, но зато нет сомнений, что ГУЛАГ чужде никому не делся, причем, как предполагают правозащитники, он вполне может оказаться ужаснее нацистских лагерей смерти (с. 165–166). Под каток репрессий в КНДР может попасть любой, включая ближайших сподвижников Великого Руководителя; например, широкую огласку получила печальная участь генерала Хен Ен Чхоль – высокопоставленного чиновника военного ведомства, по слухам, расстрелянного из крупнокалиберного пулемета, как было объявлено, «за измену и неподчинение». По сведениям южнокорейской разведки, одно из приписанных ему преступ-

лений заключалось в том, что он заснул во время выступления Ким Чен Ына. «С этого момента государственные чиновники наверняка стараются на совещаниях держать глаза широко раскрытыми», – философски замечает автор (с. 171).

Несмотря на нищету, изоляцию и репрессии, многие тысячи северокорейцев материально заинтересованы в том, чтобы диктатор оставался у власти как можно дольше. Это сложившийся за последние годы предпринимательский средний класс, у которого «есть ролевая модель – сам Великий Преемник, пользующийся всеми выгодами своего положения» (с. 186). Эти люди тоже хотят, уподобляясь вождю, хотя бы немножко купаться в роскоши, слухи о которой широко распространились как в стране, так и за рубежом. Как полагает южнокорейская разведка, в КНДР насчитываются 33 резиденции Ким Чен Ына, которые хорошо просматриваются со спутников. Здания внутри таких комплексов связаны подземными туннелями, а под ними есть огромные бункеры, в которых вождь с родственниками и приближенными может укрыться от любой внешней опасности. Недавно в западной прессе появились сообщения о том, что перестройка лишь одной из таких резиденций обошлась в 175 миллионов долларов, но проверить эти цифры нет никакой возможности.

Особое внимание в книге уделяется личностно-психологическим характеристикам корейского диктатора. Йен Робертсон – клинический психолог и нейробиолог из дублинского Тринити-колледжа – в беседе с автором отверг расхожее мнение о склонности молодого вождя к психопатии, настаивая на том, что Ким Чен Ын «довольно устойчивая в психологическом смысле личность» (с. 243). Внимательно наблюдая за всеми действиями руководителя КНДР с момента его прихода к власти, он заключил, что интересующий его объект – классический нарцисс. Поскольку этот нарциссизм

является благоприобретенным – в основе его обладание верховной властью, – речь должна идти не столько о расстройстве психики, сколько об искажении восприятия. По словам Робертсона, организм диктаторов типа Ким Чен Ына, испытав от применения власти прилив дофамина, регулярно требует следующей дозы: «Совсем немногие способны противостоять такому химическому воздействию и не терять голову, если они достаточно долго распоряжаются огромной властью» (с. 244). Однако у этого явления есть обратная сторона: чем больше разрастается самолюбие, тем уязвимее оно становится. В результате у многих диктаторов защитная оболочка становится очень хрупкой и, чтобы ее пробить, достаточно легкого прикосновения – тем более, что «в случае Ким Чен Ына уязвленное самолюбие прорывается в довольно тревожных формах» (с. 245).

В повествовании упоминаются и кое-какие физические недуги великой личности, среди которых, в частности, фигурируют избыточный вес и подагра, но при этом Файфилд подчеркивает: слабое здоровье никак не мешает Великому Преемнику последовательно демонстрировать уверенность в себе. Придя к власти, он нуждался в быстрых и убедительных свершениях; в результате ставка была сделана на ядерную программу. По мнению автора, такой курс оказался эффективным, позволив северокорейскому режиму надежно застраховаться от вмешательства со стороны США. Хотя вождь постоянно подчеркивает, что атомное оружие будет использовано только в оборонных целях, даже самые приблизительные оценки ядерного арсенала КНДР вселяют тревогу: согласно экспертам, режим чучхе накопил ядерного топлива на пятнадцать бомб, хотя крайние оценки заявляют о шестидесяти и даже семидесяти зарядах. Впрочем, даже если о цифрах можно спорить, не подлежит сомнению одно: у КНДР действительно есть

атомный щит. «В этой области они не отстают», – говорил в беседе с Файфилд один из специалистов-атомщиков (с. 294).

Подытоживая свой анализ, автор пишет, что за полтора десятилетия Великий Преемник, как бы к нему ни относиться, добился пусть и не радикальных, но значительных перемен. О том, что он смог оснастить страну мощным ядерным арсеналом, уже говорилось. Кроме того, он позволил национальной экономике дышать чуть свободнее, одновременно убедив президента США в своей адекватности в качестве собеседника, а правителя Китая, главного благодетеля КНДР, – в умении вести себя прилично. Разумеется, это далеко не все, ибо «теперь ему предстоит главное испытание – убедить народ Северной Кореи, что при Великом Преемнике жить становится лучше» (с. 348). Однако, прочитав эту книгу, читатель не может не прийти к выводу, что северокорейский самодержец справится и с такой задачей. И это, отметим, вполне согласуется с наблюдением самой Файфилд, предваряющим проделанную ею работу: «Через семь десятилетий после создания КНДР я не заметила трещин в фасаде коммунистической державы» (с. 10). Таким образом, рассказ обретает логическое завершение, а читателю, интересующемуся современным тирановедением, есть над чем поразмыслить.

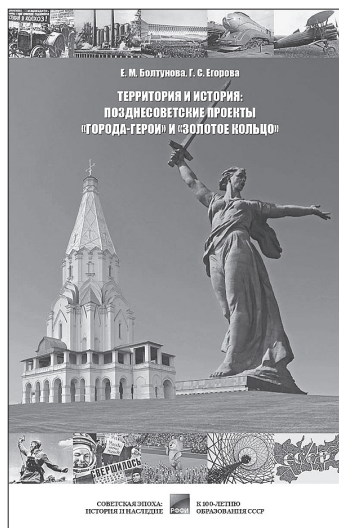
Юлия Крутицкая

Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо»

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА, ГАЛИНА ЕГОРОВА
М.: Кучково поле, 2022. – 400 с.

Карта предшествует территории. Бодрийяр провозгласил это в начале 1980-х, рассказывая миру о власти симулякров, а в 2010-м

Уэльбек несколько обновил акценты: «карта интереснее территории»¹. Книга Екатерины Болтуновой и Галины Егоровой, по сути, следует той же идее, хотя и без опоры на «французскую теорию» и связанную с ней литературную традицию. «Территория и история» российских историков посвящена двум государственным и, что важно, направленным на культивирование российской государственности проектам позднесоветского времени – «Городам-героям» и «Золотому кольцу».

Интригующая завязка – все не то, чем кажется, – представлена уже во введении. Авторы берутся развенчать сложившиеся представления о «Городах-героях» как исключительно властном начинании, а о «Золотом кольце», напротив, как о развернутой снизу, едва ли не одним журналистом, инициативе. И на этом противопоставление не заканчивается (с. 13–14). Эти две программы никогда ранее не рассматривались вместе, относительно друг друга, и эта смелая

сравнительная перспектива становится в «Территории и истории» ключом к новому видению.

Сказать, что книга основательно фундирована, – ничего не сказать. Размах источниковой базы воистину впечатляющий: в работе задействованы материалы 25 архивохранилищ. Помимо Государственного архива Российской Федерации, ведущим сотрудником которого является Галина Егорова², представлены еще несколько центральных и целый ряд – сообразно географии исследования – региональных российских архивов, а также три архива Республики Беларусь³. Особенно хотелось бы отметить привлечение фондов Красногорского государственного архива кинофотодокументов и архивов отдельных музейных комплексов и предприятий – таких, как Главный туристский комплекс в Суздале. Болтунова и Егорова анализируют отзывы из книг посетителей, дневник Алексея Варганова (возглавлявшего Суздальский музей-заповедник до начала 1960-х) и его переписку с историком Николаем Ворониным, сопоставляя их с впечатлениями участников экскурсий 1960–1990-х по «Городам-героям» и «Золотому кольцу», полученными в ходе специально проведенных интервью.

Авторы подробно прослеживают, как на каждом этапе формировался набор претендентов на искомый статус «Города-героя» или участника «Золотого кольца», какие использовались аргументы и насколько напряженной порой становилась борьба, кто непосредственно в ней участвовал – представители региональных властей, отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры с момента его учреждения в 1965 году и так далее. Таким

- 1 Бодрийяр Ж. *Прецессия симулякров // Он же. Симулякры и симуляция*. Тула, 2013. С. 16; Уэльбек М. *Карта и территория*. М.: Астрель; CORPUS, 2012. С. 87. Идея о превосходстве карты над территорией, осенившая героя этой жутковатой фантазмагии, выделена в тексте крупными буквами.
- 2 Кроме того, оба автора представляют Лабораторию региональной истории России Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Екатерина Болтунова в качестве руководителя).
- 3 Киевские архивы в текущей ситуации недоступны. Возможно, по этой причине посвященный Украине параграф 1.2 местами не вполне убедителен.

образом, в анализ вовлечены не только те города, которые в итоге составили плеяду «Городов-героев» и «Золотого кольца», но и те, что могли бы войти в их число исходя из весомой роли в военных сражениях (для «Городов-героев») и обладания памятниками старины (для «Золотого кольца»), но так и не вошли. Орловская область, например, «была равным образом связана с культурным наследием и памятью о Великой Отечественной войне, но при этом не попала ни в один из проектов» (с. 212–213).

Такие коллизии делают видимым изменчивый баланс посылаемых государством сигналов и общественной инициативы. В частности, пример Орловской области «демонстрирует, как пришедший на 1960-е всплеск активности и широкое публичное обсуждение вопросов, соотносенных с категориями “память” и “наследие”, быстро сменились апатией и разочарованием» (этот сюжет рассматривается в связи с бюрократической стороной в деятельности Всероссийского общества охраны памятников, с. 212–213). Изучение подобных коллизий в динамике приводит исследователей к следующему заключению:

«[Постоянные отказы из центра создавали] среду, в которой ни инициативе, ни ожиданиям не было места. Все это рождало у жителей, а равным образом и у местных властей сомнения в праве на свою долю в распределении ресурсов и, шире, на социальную акторность. С течением времени мы обнаруживаем у жителей центральных областей России прямо артикулированные сомнения в собственном праве на высказывание» (с. 218).

Обращение к тому, как *могли бы* развиваться события – или «проблематизация

отсутствия», в авторской терминологии, – представляется весьма продуктивной, хотя и вряд ли такой уж нетипичной, как об этом пишут Болтунова и Егорова (с. 16), позицией.

ГЕРОИ И ЗЛОДЕИ

Главным действующим лицом в разыгрывающихся батальных за почетный статус, влекущий за собой финансовые инвестиции и приток туристов, выступает власть. По крайней мере, мы видим происходившее преимущественно с высоты номенклатурного руководства разных этажей. Болтунова и Егорова делают попытку подступиться к тому, каким было восприятие этих процессов со стороны общества, местных жителей, утверждая, что «выборка из множества городов СССР, противостоявших фашистскому наступлению, лишь небольшой группы [«Городов-героев»], наделенной особым статусом и привилегиями, [...вызывала] у современников многочисленные вопросы», со ссылкой на опубликованные мемуары смоленского журналиста и материалы мурманского и тульского архивов (с. 60). Однако в книге не поясняется, кто эти современники и какого рода документы скрываются за архивными шифрами⁴. Отзывы посетителей Мамаева кургана (с. 251–252)⁵ и воспоминания участников экскурсий по «Городам-героям» и «Золотому кольцу» (с. 224, 227, 248, 255, 267) оказываются тем более поразительными и драгоценными, чем более редкими они являются в этой книге.

Рассмотренный в таком ключе перечень «Городов-героев» с неизбежностью приво-

⁴ Ссылка выглядит следующим образом: «Клименко И. Е. *Думы о былом: Размышления о времени, о людях, о себе*. Смоленск: Союз журналистов Смоленской области, 1998. С. 312; ГАМО (Мурманск). Ф. Р-1169. Оп. 1. Д. 2. Л. 22; ГАТО. Ф. Р-252. Оп. 7. Д. 859д. Л. 48» (с. 60).

⁵ Авторы цитируют их как по опубликованному источнику («Голоса сердец: сборник / Сост. В. Б. Ростовщиков, И. М. Кандауров. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1982), так и вводя в оборот неопубликованные материалы книги отзывов Музея-заповедника «Сталинградская битва».

дит к выводу: на всех этапах, включая горбачевскую перестройку, они использовались для решения общегосударственных «задач, никак не связанных ни с героизмом военных лет, ни с местной коммеморацией» (с. 106). Продолжая эту линию рассуждений, авторы пишут о несправедливости, акцентируя несомасштабность грандиозных военных событий на территориях, не попавших в перечень «Городов-героев», и относительно скромной меморизации этих событий. Параграф 1.5 так и озаглавлен: «“Это несправедливо...”: территория Курской дуги».

Иногда, впрочем, разговор о власти переходит на личности, персональные интенции и страхи, как, например: «Вождь уже понимал, что то, чего он боялся летом 1942 г., [...] не произошло – [...] и говорить о героике было уже не просто можно, а должно» (с. 23–24). Для той – собственно аналитической (а не научно-популярной) – стратегии, которую выбрали авторы, вряд ли актуально, кто чего боялся, хотя бы это был и «вождь». Гораздо существеннее сам переход (так и хочется написать «символической политики», но авторы почему-то не пользуются этим концептом) к героике, – переход, который, к сожалению, затемняется риторикой популярного историописания. Призывая не сводить «активное продвижение героического образа» Киева к личным симпатиям Хрущева к Украине, в случае с Брежневым авторы, похоже, поступают именно так:

«Брежнев, военная биография которого не была связана с Московской битвой, очевидно, был мало заинтересован в создании большого коммеморативного пространства в Москве. К тому же в начале 1970-х он принял окончательное решение выстраивать свой биографический нарратив с отсылками к обороне “Малой земли”» (с. 68).

Своя порция подобного разбора мотиваций досталась и Александру III:

«Поиск точки опоры для царствования, формирование собственной властной образности, обращенной к русскому дискурсу, православию и истории допетровской России, заставили императора по-новому взглянуть на потенциал знакомой территории» (с. 280).

Выступая на Санкт-Петербургской презентации книги, Михаил Лурье обратил внимание на множественность акторов «Территории и истории» и формирование субъектности городов и территорий. Действительно, города и территории можно назвать вторым по значимости макроинтеркомом. Их действия показаны (фактически без отсылки к соответствующим теориям) в режиме интерпелляции, по Фуко и Альтюссеру: власть окликает «героев» и участников «кольца», а города и территории откликаются, вступая в соответствующие отношения с властью и друг другом, становясь субъектами этих отношений.

Например, сопоставление орловского парада партизан, первого салюта 1943 года и минского парада партизан 1944-го позволяет «говорить о начале конкурентной борьбы за право позиционировать себя в качестве главной территории партизанского движения» (с. 109). «Окликание» произвело такой мощный эффект, что многих претендентов приходилось осаживать. Самым распространенным обоснованием отказа стала ссылка на отсутствие средств. Еще один механизм, помогающий власти «сдерживать эти территории в их претензии на статусность», обнаруженный Болтуновой и Егоровой, – административное разделение областей, как это произошло с Курской областью. После того, как в 1954-м из ее состава была выделена Белгородская область, «перспектива восприятия территории как цельного региона, не переставшая, конечно, существовать, была серьезно ослаблена. Логика административно-территориального деления, предожившая новые границы, оказывалась

сильнее робких общественных инициатив» (с. 109). Если Курской области новое административное деление помешало обрести желаемый статус, то Владимирской, которая в 1944 году была выделена из состава Ивановской области, наоборот, помогло, поскольку «новая единица на карте СССР оказалась [...] прямо увязана с категорией “историческое наследие”» (с. 129–130).

Обсуждение распределения между территориями СССР различных «образов войны и сопротивления врагу» (с. 110) выводит анализ за пределы тематики одних лишь «Городов-героев». Авторы размышляют о возможностях локальной инициативы в отношении меморизации мест массовой гибели (пусть и в виде небольшого примечания на с. 110). Чрезвычайно важным представляется акцент на постепенном изменении роли локального в политике памяти о войне. В течение первых послевоенных десятилетий в официальной повестке героическое «оказывалось оторванным от локального и развернутым в сторону других территорий или соцстран» (с. 113), так что даже празднование 30-летия Победы в Курске проходило без привязки к Курской дуге (с. 111). Со ссылкой на документы Государственного архива Орловской области в книге приводятся данные о том, как в редакции «Орловской правды» при подготовке к публикации письма с воспоминаниями о войне из него «были удалены фразы об Орловской земле и Покровском районе. Такая подача информации позволяла сформировать повествование, в котором у героя оставлялось лишь место подвига – связь с какой-либо другой территорией в этом нарративе была не нужна» (с. 112). Примеры подобной редактур – утверждают авторы со ссылкой уже на Российский государственный архив социально-полити-

ческой истории (РГАСПИ) – встречаются и в фондах центральной прессы, в частности, «Комсомольской правды»⁶. К началу 1980-х ситуация начала меняться в сторону более «вариантного» описания локального, «с отсылками к месту рождения или, чаще, месту проживания героя после войны» (с. 112).

В случае «Золотого кольца» Болтунова и Егорова также не ограничиваются анализом набора городов, стратегий лоббирования и сдерживания, но обращают внимание и на предметно-содержательную избирательность. Узкая направленность «Золотого кольца» на «древнерусский период» обусловила невнимание к усадебным комплексам и историческим личностям более позднего времени (с. 254–256). Историческое время при этом «превращалось в некую обобщенную древность, никак не связанную с жизнью конкретного советского туриста» (с. 267–268). Дабы соответствовать идеологическим установкам, принципиален был «отказ от разговора об имперском прошлом» (с. 258) и избегание религиозной тематики – и это во Владимире, Суздале и других звеньях «кольца», достояние которых едва ли не целиком составляет храмовая архитектура.

Фигура журналиста, по инициативе которого якобы и возникла идея «Золотого кольца», служит для того, чтобы продемонстрировать как нелепость претензий на индивидуальное авторство, так и несостоятельность представлений о «естественности» кольцевого маршрута, который, казалось, так легко складывается, потому что уже существует в природе вещей. Вместе с тем наличие подобных представлений авторы считают «значимым свидетельством особого восприятия этой территории в 1960-е» (с. 270). Конечно, в действительности маршрут складывался не сам собой, а ценой

6 Указание на тысячи писем, полученных «Комсомольской правдой» в 1961-м и 1965 годах в ответ на призыв к читателям описать «Самый памятный день войны», лишь «небольшая часть которых была опубликована и/или готовилась к публикации (см., например: РГАСПИ. Ф. М-98. Оп. 3. Д. 89)» (с. 112), полагаю, поможет другим исследователям в работе со столь ценным источником.

длительных дискуссий и борьбы за ресурсы, однако подспудная основа для «особого восприятия» все же была и носила «позднеимперский» характер:

«Речь шла не о создании, а перевоссоздании маршрута. Путешествие Александра III в 1881 г. наметило абрис, а масштабная поездка Николая II и императорской фамилии в честь 300-летия Дома Романовых в 1913 г. сформировала круг городов, которые спустя чуть более, чем половину столетия, составили советский маршрут “Золотое кольцо”» (с. 272).

Болтунова и Егорова спорят со сложившейся в историографии трактовкой поездки 1913 года как повторения «истории возведения на престол Михаила Федоровича» (с. 286). Для понимания смысла путешествий 1881-го и 1913 годов важны связь пространства с династической историей Романовых (с. 273). Среди множества поездок выбраны именно эти две в силу закольцованности, помогающей осмыслению охваченного пространства как цельного и символически единого (с. 282). Не подгоняется ли задача под ответ, читателю предстоит решить самому, взвешивая все приведенные аргументы, проходя по предложенным ссылкам и самостоятельно проверяя возможные контргипотезы.

Авторы сообщают, что указанием на схожесть маршрута «Золотого кольца» с николаевской поездкой 1913 года они обязаны Сьюзен Николь Смит, изучавшей краеведение и историю Владимиро-Суздальского музея-заповедника (с. 298). Возникшая у Смит и блестяще развитая Болтуновой и Егоровой идея про связь «Золотого кольца»

с царскими маршрутами – замечательная исследовательская находка, настоящая жемчужина. Жемчужина, однако, наскоро пришитая к основному полотну повествования про позднесоветский период. Спасительная тростинка коммуникативной памяти работает лишь наполовину, ибо не доказано, что путешествие Николая II, с его маршрутом и смыслами государственности, действительно вошло в коллективные представления жителей империи, а затем и Советского Союза и, соответственно, могло существовать в режиме коммуникативной памяти.

Параграф про поездку царской семьи 1913 года начинается с утверждения, что это путешествие «обсуждалось и интерпретировалось вплоть до падения самой монархии» (с. 283), свидетельствовать о чем призваны три изданных текста⁷ и один неизданный. Первый из них – иницированный Комитетом для устройства празднования 300-летия Путеводитель Василия Георгиевского – рассылался перед поездкой официальным лицам и членам свиты. Оставшиеся экземпляры пустили в продажу: 50 штук, как узнает читатель из приведенных в приложении документов, были переданы в один столичный магазин, восемь – в другой, итого 58, не слишком внушительная число. На чем основывается заключение о том, что «издание пользовалось популярностью и было быстро распродано» (с. 294), авторы не сообщают; тираж всех трех указанных произведений не известен. Еще одно любопытное описание поездки, составленное Евгением Погожевым, осталось незаконченным и неопубликованным⁸. Тезис о широкой известности

7 Георгиевский В. *Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский: путеводитель по памятникам старины*. СПб., 1913; Богданович Е.В. *Историческое паломничество нашего царя в 1913 году*. СПб., 1914; *Майские юбилейные торжества 1613–1913. Высочайшее посещение их Имп. высочествами государем имп. Николаем Александровичем и государыней имп. Александрой Федоровной с августейшим семейством г. Владимира и г. Суздаля 16 мая 1913 г. и г. Переславля-Залесского 23 мая 1913 г.* Владимир-на-Клязьме, 1915.

8 Обращение к трактовкам Погожева, равно как и включенный в приложение отрывок 1916 года из его текста, хранящегося в фонде Комитета для устройства празднования 300-летия династии Романовых (Российский государственный исторический архив. Ф. 1320), станет несомненным подспорьем для исследователя его биографии и творчества.

и активном освещении царской поездки в прессе, включая региональную (с. 299), также не получил развития.

Рассуждение о том, как могла бы действовать коммуникативная память, – самая шаткая, непроработанная часть аналитической конструкции, что сказывается на формулировках: «элементы николаевской концепции неосознанно [...] возникали в сознании» (с. 300); «советское, формируя проект, смогло адаптировать имперский концепт под свои задачи» (с. 301). Демоническое «советское» оказывается актором с задачами и способностью к действию. Можно предположить, что под воспроизводящимся «концептом» имеется в виду нечто подобное структурам, как они понимаются в логике французского структуриализма. Думается, тезис о том, что к 1960-м «историческое паломничество Николая II забыли», выглядел бы более убедительным (действительно ли паломничество воспринималось как историческое, действительно ли о нем помнили хотя бы какое-то время) при более плотном и разностороннем анализе публикаций о поездке как в плане их распространенности, так и восприятия в качестве «нового взгляда власти на территорию» (с. 294).

КОВАРСТВО ПРОЕКТНОСТИ

«Проекты» – это первое понятие (причем вынесенное в заглавие), на котором спотыкаешься при чтении. Столь привычное сегодня слово, кажется, как нельзя лучше подходит для «Городов-героев» и «Золотого кольца». Более того, трудно представить, как еще, если не проектами, можно их на-

звать⁹. Так устроен сегодняшний взгляд, беззащитная проекция которого на другую эпоху заменяет эпистемическую установку, декларацию о намерениях – рассматривать эти кейсы исключительно с позиций сегодняшнего дня, как они видятся и что означают для нас сегодняшних. Собственная логика того времени лишается малейших шансов на самоценность.

На проектность работают и некоторые элементы авторского словаря и стиля. Выше мы уже могли заметить, как под пером авторов первые лица государства занимались «*формированием* собственной властной образности», «*решали выстраивать* свой биографический нарратив», словно подчиняясь некой гипертрофированной модели рационального действия. Употребление слов «выборка» и «респондент»¹⁰ заставит вздрагивать, вероятно, не только социологов. Выборкой авторы именуют итоговый перечень населенных пунктов, вошедших в число «Городов-героев» и «Золотого кольца», как если бы кто-то их целенаправленно отбирал согласно изначально ясной процедуре.

Приводимые в приложениях документы свидетельствуют, насколько иначе слово «проект» использовалось в анализируемый период – в значении предельно конкретного (предварительного) плана, разработки: проект планировки города, проект памятника или проект распоряжения. Распространенное сегодня понимание проекта как хорошо спланированного цикла деятельности, имеющего точно определенные цели, заданные начало и конец, практически отсутствовало.

Книга, однако, убедительно показывает обратное: вначале никакого проекта в современном его понимании и не было.

9 Примером неанхроничного словоупотребления может служить книга Сергея Журавлева об «Истории фабрик и заводов», которую автор избегает называть «проектом», прибегая к слову «начинание».

10 В случае с «респондентом», видимо, имеет место недоработка редактора: «он сообщил своему респонденту» (с. 138) – про переписку Варганова и Воронина – нужно: «корреспонденту»; «респонденты опросов» (с. 321) – нужно: «участники опросов».

Самое интересное заключается как раз в детальном прослеживании того, как к первым «Городам-героям» и звеньям «кольца» стремились присоединиться все новые и новые участники, как непредсказуемо все развивалось – то есть в изучении собственной логики тех событий. В таком подходе, на мой взгляд, состоит самая сильная сторона, суть «Территории и истории». Но проектность ему прямо противоречит.

Конечно, привилегия сегодняшнего дня, когда известно, чем увенчались дерзания прежних лет, неизбежна для историка, и авторы – порой очень обаятельно – приоткрывают свою «кухню»:

«Читая стенограмму конференции сейчас, спустя более, чем полстолетия, и глядя на произошедшие события ретроспективно и изнутри другой эпохи, начинаешь замечать и те проблемы, преодолеть которые оказалось не так легко, как это, вероятно, казалось участникам конференции» (с. 164; см. также с. 205–206).

Болтуновой и Егоровой удалось передать азарт исторического поиска, он действует очень заразительно и настолько увлекает, что все огрехи уходят в сторону – но, увы, не исчезают совсем.

Исследовательская кухня не сводится к ретроспективному взгляду, она включает еще и методологический выбор. Девственная чистота книги в отношении методологии, признаюсь, просто обескураживает. Читатель волен пуститься во все тяжкие, достраивая на свой лад оптику – будь то Фуко в случае наделения городов субъектностью, Бурдье или кто-то еще в случае символического капитала и распоряжения им при осуществлении символической политики. Справедливости ради следует сказать, что в «Территории и истории» упомянуты некоторые ключевые, знаковые работы (например Ольги Малиновой про символическую политику), но методология как таковая не обозначена, и терминами «символическая политика», «символичес-

кий капитал», по большому счету, авторы не пользуются.

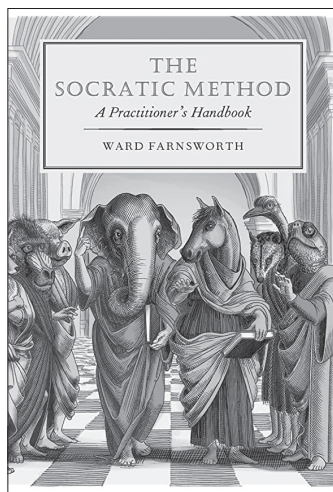
В отсутствие заявленной методологии ее место занимает *проектность*, играющая в другие ворота. Она своевольно (против намерения исследователей) выворачивает ситуацию, как если бы «Города-герои» и «Золотое кольцо» сразу были разработаны под ключ, тогда как всем содержанием книги авторы стремятся показать обратное.

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛКОВА

The Socratic Method: A Practitioner's Handbook

WARD FARNSWORTH

Boston: Godine, 2021. – xv, 245 p.

Американского юриста, специализирующегося на правовых проблемах реституции – и при этом, надо сразу сказать, увлекающегося изящной словесностью и классической философией, – удручают нынешние социальные сети, в чем он признается едва ли не на первой странице своей книги:

«Разум, питающий себя из этих источников, приучается к беззаботному существованию за счет скоропалительных выводов, неоспоримых очевидностей, незамыслова-

тых теорий и отчаянной злобы. Он жаждет исключительно одобрения и подтверждения и возмущается, когда ему противоречат. Способность концентрироваться стремительно падает; зашоренность мышления, понемногу распространяясь, сначала входит в норму, а затем и вовсе начинает восхваляться. Способность к взвешенному диалогу с несогласными людьми постепенно сходит на нет» (р. xi–xii).

В принципе, обо всем этом было известно и до восхождения славного Дональда Трампа, но незабываемое правление этого человека, вне всякого сомнения, обозначило некоторые очевидности еще более четко. «Если бы мне пришлось в одном слове выразить антитезу метода Сократа, то я использовал бы слово “Твиттер”» (там же), – подытоживает автор, и мы понимаем, что побуждает к такой категоричности. Не исключено, что ничего другого, кроме этой специфически американской боли, в виду и не имелось, но ошеломительные события, обрушившиеся на всех нас в достопамятном 2022-м, очень подогрели спрос на извращенное восприятие реальности, причем на сей раз едва ли не по всему миру. В силу сказанного американский правовед, сам того не подозревая, вдруг вышел на российский книжный рынок с удивительно актуальным продуктом, который каждой своей главой напоминает, насколько важно самостоятельно мыслить и чем чреват отказ от этого навыка – особенно, используя формулировку Ханны Арендт, в «темные времена», каковыми наши нынешние, вне всякого сомнения, и являются.

Урд Фарнсворт, вероятно, не слишком типичный юрист. Помимо работы «Практикующий стоик», название которой говорит за себя, бостонское издательство, выпустившее рецензируемую книгу, в предшествующие годы напечатало симпатичную, хотя и небольшую, серию его сочинений, посвя-

щенных английской словесности: в нее вошли «Классическая английская риторика», «Классическая английская метафора», «Классический английский стиль»¹¹. В своей новой публикации он рассказывает, как и чем его очаровал сократический метод ведения дискуссии, а также объясняет, почему эту античную технологию можно считать эффективным средством выправления нынешних недужных умов. Автор занимается всем этим не только с воодушевлением, но и со знанием дела; он прекрасно ориентируется в античной философии и ее социально-политических контекстах, а также в той части ее наследства, которую принято связывать с именем Сократа. В повествовании, разбитом на восемнадцать глав, последовательно и методично, но при этом отнюдь не заузно представлена «модель для сборки» сократического диалога, причем как в древних, так и в современных его итерациях. Кстати, довольно простая манера преподнесения сложного материала безошибочно выдает в авторе опытного преподавателя: действительно, с 2012 года он работает деканом Школы права Техасского университета.

Максимально сжатое описание сократического метода, по Фарнсворту, выглядит так:

«Когда кто-то заявляет, что нечто является хорошим или плохим, правильным или неправильным, немедленно подвергайте такие речи сомнению. Спросите, что значит подобное заявление, сопоставьте его с другими утверждениями собеседника и попытайтесь найти противоречие; посредством наводящих вопросов покажите, что сделанное заявление не вполне удовлетворяет даже того, кто его озвучил. По сути, вы отрицаете то, что было высказано собеседником, но делаете это искусно. Потом собеседник попробует уточнить свой тезис, а вы снова начнете искать в нем противоречие – и так далее» (р. 27).

11 Все упомянутые книги выходили в издательстве «Godine»: «Classical English Rhetoric» (2010), «Classical English Metaphor» (2016), «The Practicing Stoic» (2018), «Classical English Style» (2020).

Очевидно, что антитезой такого подхода выступает некритическое принятие чужих (или даже собственных) суждений за чистую монету; именно поэтому неспособность мыслить по-сократовски изображается в книге подоплекой «всего того буйства невежества и лицемерия, каким характеризуется нынешний политический дискурс» (р. 30). Автор, понятное дело, рассуждает о подобной ситуации в США – но, стоит добавить, отнюдь не только там.

Кстати, акцент на самокритике в интересующем нас контексте исключительно важен: во многих платоновских диалогах Сократ, разговаривая с другими людьми, на самом деле полемизирует с собой, поправляя, опровергая, вразумляя именно себя. Фактически, он действует так же, как и его биограф Платон, который «творил свои диалоги, чтобы проработать собственные и сталкивающиеся друг с другом линии рассуждений, приписывая их своим персонажам» (р. 37). При этом, призывая читателя к неустанному сократическому копанию в себе, автор считает необходимым сделать важное предупреждение:

«Применять метод Сократа самостоятельно отнюдь не проще, чем пользоваться им в беседах с другими: на самом деле, наверное, наоборот. Ошибки в чужих суждениях подмечать нетрудно, находить же их в собственных мыслях куда сложнее» (р. 42).

Золотые что называется слова.

Своеобразной единицей сократической деятельности автор называет вопрос. Большая часть книги посвящена тому, как устроено вопрошание, практикуемое афинским мудрецом, и что из него можно извлечь. Насколько известно из платоновских диалогов, Сократа крайне удручало, что люди убеждены в истинах, в которых никак не должны быть уверены: им кажется, будто они знают то, что на самом деле им неведомо. По этой причине его философия не состояла из набора убеждений: она представляла собой

процесс, в ходе которого размышляющий, не жалея сил, старается опровергнуть самого себя:

«У каждого из нас внутри всегда должна работать оппозиционная партия – начало, постоянно оспаривающее то, что представляется общеизвестным и несомненным. Внутренний Сократ и есть достойный оппозиционер» (р. 49–50).

В основе всего этого перманентного оспаривания лежит процедура, которая обозначается термином «эленхос». Обращаясь к ее применению, Сократ сначала выясняет базовую мировоззренческую установку собеседника, потом искусно заставляет его согласиться с каким-нибудь тезисом, противоречащим этой установке, а затем указывает своему визави на вскрывшееся противоречие. Опираясь на тексты платоновских диалогов, Фарнсворт умело демонстрирует нам, как это работает. Помимо эленхоса, читателю предстоит ознакомиться с систолой и диастолой, апорией, диерезисом, апагогией и прочими приемами, используемыми в сократическом диалоге. Это весьма тонизирующий набор, который в конечном счете позволяет заблудшему разуму вновь нащупать правильный путь – а именно, восстановить последовательность формулируемых суждений.

«Когда кто-то придерживается сразу двух мировоззренческих установок, которые не могут быть истинными одновременно, он либо наполовину спит, либо наполовину безумен. На самом деле у него нет никакого конкретного мнения; такому человеку лишь кажется, что он мыслит» (р. 70).

Искреннее безразличие к тому, чтобы каждая новая мысль гладко и безупречно вытекала из мысли предыдущей, в книге приравнивается к безразличию в отношении самого разума; по словам Фарнсворта, «такую установку, конечно, можно провозгласить личной позицией, но вот защитить

ее в конечном счете будет весьма трудно» (р. 74).

С развертыванием авторской аргументации читателю предлагается незамысловатый, но четкий набор принципов, в согласии с которыми рекомендуется вести сократические беседы со своими оппонентами:

а) пытайся найти истину, а не победить; б) изучай самих людей, а не только их утверждения; в) оценивай аргументы по существу независимо от того, кто их выдвигает; г) говори прямо и только то, что думаешь; д) относись к собеседнику как к судье, оценивающему твои показания; е) придерживайся принципа милосердия к оппоненту; ж) не обижайся сам и не обижай других (р. 98). Принципиально важным в этих рекомендациях представляется то, что Сократ отказывается использовать аргументы *ad hominem* в наиболее типичном для нынешнего дня разрезе: он никогда не нападает на своих партнеров лично, исходя из того, что даже самый отъявленный плут или негодяй способен порой сказать что-то дельное. «Строго говоря, можно даже сказать, что Сократ вообще ни с кем не спорит; он лишь заставляет собеседника спорить с самим собой» (р. 103).

Главным врагом сократической премудрости всегда и везде выступает интеллектуальное самодовольство: в диалогах столкновение с этим феноменом предстает единственной ситуацией, в которой благодусный Сократ готов выйти из себя. К персонажам, которые полагают, будто они в чем-то глубоко разбираются, афинский мудрец по-настоящему беспощаден: он самым жестоким образом издевается над ними, ничуть не щадя их самолюбие. Как поясняет Фарнсворт, «сократическая философия начинается с любви к истине, но с точки зрения *действия* ее первейшая задача отрицательна: она стремится избавить человека от иллюзии собственной мудрости» (р. 125). В книге многократно демонстрируется, что интеллектуальное

путешествие, затеваемое Сократом, всякий раз стартует с одной и той же отправной точки – понимания того, насколько мы далеки от окончательных ответов на самые важные вопросы. Приписывая этому моменту предельную серьезность, Фарнсворт не стесняется в выборе аргументов, порой звучащих более чем сурово. К числу таковых, например, можно отнести следующую мысль Джона Стюарта Милля – почитателя Платона и любимца самого автора:

«Лучше быть неудовлетворенным человеком, чем довольной свиньей; лучше быть неудовлетворенным Сократом, чем довольным дураком. И если дурак или свинья придерживаются другого мнения, то это лишь потому, что они рассматривают вопрос сугубо со своей колокольни. Но зато оппонентам, в отличие от них, известны обе позиции» (р. 146).

Прочитав виднейшего английского либерала, автор без лишних церемоний резюмирует:

«В той степени, в какой нас не заботит развитие сократического мышления, мы все, извините, свиньи. Но в той степени, в какой не хотим регрессировать до свинского состояния, мы все Сократы» (там же).

Таким образом, спектр вариантов, остающихся в распоряжении читателя, не так уж и богат. Такое вот сократическое «принуждение к мудрости».

Выход этой работы, посвященной интеллектуальной методике, которой исполнилось уже более 2500 лет, был весьма благосклонно встречен публикой, читающей по-английски. Кстати, на обложке американского издания представлена вариация на тему «Афинской школы» Рафаэля, на которой вместо шествующих рука об руку Платона и Аристотеля бок о бок шагают демократический осел и республиканский слон. Автор явно рассчитывает, что его труд получит прикладное применение и, возможно, даже принесет несколько

крупниц благоразумия и толерантности в сошедшую с рельсов здравого смысла американскую политику. Как отмечалось в рецензии «The Wall Street Journal», «иллюстрация на обложке, безусловно, отражает надежды профессора Фарнsworthа на то, что, усвоив дискурсивный метод Сократа, американцы сумеют наделить хотя бы чуточкой цивилиности тотемных чудищ нашей поляризованной политики»¹². Конечно же, я не мог не задуматься: а кого, интересно, изобразят на своей обложке издатели русского перевода? Опций, понятно, великое множество: отечественное пустоголовие не менее многогранно, чем заокеанское – с эпохи Салтыкова-Щедрина мало что в этом отношении изменилось, – а его последствия по-прежнему

впечатляют и завораживают. Поэтому пока остается лишь гадать. Кстати, нетерпеливый отечественный читатель уже готовится к встрече с книгой: так, наша психологическая общественность, интересующаяся прагматическими изводами того, что принято называть «саморазвитием», исподволь начинает рекламировать ее¹³. Между тем ждать осталось недолго: перевод действительно готовится, и одно из солидных российских издательств намеревается выпустить его уже в текущем году – если, разумеется, все будет хорошо и у страны, и у книгоиздателей, и у читателей.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

доцент Российского государственного гуманитарного университета

12 BAYLES M. *“The Socratic Method” Review: Let Us Reason Together* // The Wall Street Journal. 2022. June 24 (www.wsj.com/articles/the-socratic-method-book-review-let-us-reason-together-1165608510).

13 Сайты, ориентированные на так называемый «личный рост», уже вовсю изготавливают спринты, посвященные «бестселлеру Уорда Фарнsworthа», причем потребителям они предлагаются за деньги. См., например: <https://makeright.ru/library/the-socratic-method-by-ward-farnsworth-sprint/?read=indesign>. Интересно, что сказал бы на это Сократ?